
РЕЦЕНЗИИ

**НА ПЕРЕЛОМЕ: ОБРАЗ РОССИИ, ПРОШЛОЙ И СОВРЕМЕННОЙ,
В КУЛЬТУРЕ, ЛИТЕРАТУРЕ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

(КОНЕЦ XX–НАЧАЛО XXI вв.)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР В.Б. ЗЕМСКОВ

М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2011. 694 с.

О восприятии России и русских в той или иной зарубежной культуре написано немало как в отечественной науке, так и в зарубежной. Вместе с тем рецензируемый коллективный труд носит новаторский характер, впервые представляя широкую панораму восприятия России в ряде ключевых европейских и американских культур. В центре внимания его авторов – имагологическая рецепция и репрезентация *современной* России и русских (естественно, *в соотношении с прошлым*) на новейшем, переломном этапе перехода от советского к постсоветскому периоду, т.е., со всеми особенностями сложного исторического пути к демократическому обществу. Даже если в том или ином разделе книги не говорится о современности, все равно: общий “фокус” зрения авторов именно таков.

Труд изначально задумывался как многоаспектный, носящий одновременно теоретический, историко-литературный и фактологический характер, и эта установка выдерживалась как в общем составе книги, так и в отдельных статьях.

Теоретическая установка труда реализована во вводной статье В.Б. Земскова “Россия на переломе”. Имагология рассматривается им как особая область *знания и сознания*, связанная с древнейшими, архаическими истоками; это специфический и универсальный вид культуротворчества и культуроразличения, сопровождающий человечество на всем пути его развития. Она имеет междисциплинарный, интегральный и диффузный характер, будучи переплетенной со всей обширной жизнью этносов, наций, народов, с их историей, культурой, образом жизни, экономически-хозяйственной деятельностью, природно-географическими условиями, отношениями с ближними и дальними соседями и т.д. Имагология вырабатывает особые разновидности имагологического инструментария – стереотипы, специфические образы, имиджи. Если стереотипы – это устойчивые негативные или позитивные характеристики мифологического свойства, восходящие к этнокультурному различению, то есть к родоплеменной древности, то имиджи – принадлежность

культуры XX–XXI вв., которые создаются в СМИ и имеют отчетливо выраженный идеологический и политический характер. Автор показывает, как эти элементы функционируют применительно к России на переломном этапе ее перехода от советского к постсоветскому периоду. В сущности, имагология в своем пределе устремлена к воссозданию *целостного образа бытия* отдельных исторических субъектов, и в итоге – образа всего бытия в его *целостности*.

Значение имагологии быстро нарастает в эпоху глобализации, развития новых СМИ; при этом не утрачивая своей устремленности к целостности, она в то же время обретает все более дифференцированный характер, вырабатывает на основе новых технологий (особенно интернета) новые инструменты рецепции и репрезентации, умножающие способы взаимовидения народов.

Историко-литературная установка коллективного труда состоит в том, что образы России всегда рассматриваются в глубоком диахроническом плане, начиная с самых истоков формирования рецепции России в той или иной культуре, а затем прослеживается их развитие вплоть до современности. Наконец, безусловна чисто фактологическая ценность труда. Это, с одной стороны, обилие интересного материала, подчас редкого и до сих пор не изучавшегося, какого не найти в академических историях литератур; и, с другой, – выявленные на основе этих материалов имагологические стереотипы, образы и имиджи, на каркасе которых выстраивается образ России и русских в отдельно взятой культуре.

Отметим, что все без исключения авторы сумели подняться над конкретным материалом, чтобы прийти к обобщениям, касающимся в том числе проблем изучения имагологии в целом. Панорамное видение, характерное для труда, создает возможности для сопоставления сложившихся образов и стереотипов и, тем самым, для выявления специфики рецепции в каждой отдельно взятой культуре, что, в свою очередь, позволяет понять некоторые закономерности в

имагологическом восприятии России. В качестве конкретных объектов для исследования фигурируют культуры следующих стран: Франция (автор Т.В. Балашова), Германия (авторы Т.В. Кудрявцева, А.А. Панов), Англия (Т.Н. Красавченко), Польша (А.Б. Базилевский), Сербия (М.Л. Карасева), США (О.Ю. Панова), Канада (О.Е. Фалковский), страны Латинской Америки (А.Ф. Кофман). Представленный в книге материал достаточно широк и репрезентативен для того, чтобы делать выводы и подводить итоги.

В каждой культуре в отношении к России имеются специфические точки притяжения или отторжения: так, поляки не могут забыть разделы Польши и события Второй мировой войны; североамериканцы и англичане не забыли из памяти напряженное противостояние с Советским Союзом в “холодной войне”; напротив, сербы остро чувствуют свою славянскую общность с русскими; французы помнят давние и глубокие культурные связи с Россией; немцы ощущают общность исторического развития двух стран в XX в. и болезненно переживают чувство вины за гитлеризм; для канадцев точкой соприкосновения и взаимопонимания с Россией становится многозначное природное и культурное понятие “Север”; латиноамериканская интеллигенция испытывала особое притяжение к Советскому Союзу в силу ярко выраженной утопической составляющей латиноамериканских культур, враждебному отношению к экспансионизму США, а также благодаря мощному левому движению, и потому здесь очень болезненно отнеслись к крушению СССР.

Как отмечается во многих статьях, наряду с этими, специфическими, имелся еще один, общий для всех культур фактор формирования имагологических образов России – а именно, классическая русская культура, особенно литература, в лоне которой были созданы те образы, мифологемы, которые закрепились в зарубежной культуре. Речь идет о многочисленных стереотипах, таких, как “таинственная русская душа”, “мистическая” особость русской цивилизации, соединившей восточный и западный культурные миры, отсутствие “чувства меры” в душевных движениях и в моделях поведения русского человека, сочетание “варварства” и душевной утонченности, способность к масштабным деяниям и бездеятельность, покорность и бунтарство, презрение к материальному и разгул современной олигархии, фатализм и истовая религиозность. Эти многозначные характеристики, воспринятые в инокультурной среде, легко поддаются как позитивной, так и негативной реинтерпретации, в зависимости от субъективного отношения автора или “заказа”.

Статья, посвященная Германии – под названием “Вековые контрапункты: образ России в коллективном сознании германского этноса (на материале немецкой поэзии)” (Т.В. Кудрявцева), по праву стоит на первом месте в разделе “Европа”, поскольку связь России с Германией самая давняя и сложная, что дает основание автору статьи заглянуть в средневековые свидетельства о “рюсах”, которые упоминаются в стихах Тангейзера. Немцу принадлежит первая на Западе книга о России (“Записки о московских делах” барона Герберштейна, 1549). Первым западно-европейским другом России был поэт XVII века, автор сонета, обращенного к Москве, Пауль Флеминг. И, наконец, образ России в Германии формировался именно в поэзии и получил в ней свое отражение. Среди многих поэтов, обращавшихся к России, в статье упоминаются Гердер (ему принадлежит идея о “молодости” России и ее большом будущем), Шиллер, Гельдерлин, восхвалявший в “Типерионе” русских воинов, союзников в борьбе с турками, Рильке, создавший образ “духовной России” на рубеже XIX–XX вв. После Второй мировой войны, самого трагического периода истории двух стран, развитие событий привело к добровольному уходу Советского Союза из его зоны оккупации, что открыло дорогу к новому осмыслению произошедшего и налаживанию культурно-экономического взаимодействия. Всё это получило активное отражение в поэзии. Несомненный интерес представляют материалы опроса поэтов, проведенного автором. Заключительный раздел статьи посвящен современным немецким поэтам. Сборник стихов Карла Вольфа “С Востока роскошь. Незавершенное из России” (2003) примечателен и признанием очарованности Россией, и ее отторжением, а в итоге позитивным отображением того, что признается “другим”, “непохожим”.

Восприятие России в Германии дополняется содержательной статьей А.А. Панова “Образ России в современной немецкой прозе”. В ней рассматривается несколько романов, начиная с “Траектории краба” (2002) нобелевского лауреата Гюнтера Грасса о трагическом эпизоде конца войны – потоплении корабля советской подводной лодкой, на котором были не только фашисты, но и беженцы с более чем четырьмя тысячами детей. История рассказана от лица одного из спасенных, родившегося на том корабле.

Россию “на переломе” немцы познавали заново, чему свидетельство – возрождение жанра книг о путешествиях, с которых начиналось знакомство со страной в прошедшие столетия, жанр, ставший самым распространенным в зарубежных

литературах постсоветского времени. И хотя чаще всего в них описывается тяжелая жизнь народа на фоне красот природы, иногда можно встретить привычные гротескные преувеличения о русском пьянстве, грязи и т.п., есть в них и неожиданные открытия. Немецкий писатель Вольфганг Бюшер, автор книги “Берлин–Москва. Путешествие пешком” (2003), после всего увиденного на вопрос, что он думает о России, неожиданно для себя, отвечает: “Я люблю Россию”. Движение в противоположном направлении описано в книге Томаса Рота, пересекшего Россию от Берингова пролива до Калининграда и пораженного масштабом страны. В книге “Русский дневник. Путешествие от чукчей до Красной площади” (2002) он задается вопросом, что стали бы делать немцы, если бы им удалось войти в Москву: ведь за ней Россия только начинается.

Особые историко-культурные и литературные отношения всегда связывали Россию и Францию, страну двух великих революций, потрясших “короны и мир”. Так, например, во Франции русская революция 1917 г. поначалу представлялась как продолжение французской 1789 г., но в итоге излечила французов от утопических идей, хотя они не утратили свой революционный и новаторский дух. Характерно, что во Франции в новых условиях по-новому прочитывается и оценивается русская классика.

Этот феномен анализируется в богатой материалом статье Т.В. Балашовой “Динамика восприятия советской и постсоветской России интеллигенцией Франции”. Примечательно, что в 20–30-е годы XX в. французские писатели были ближе русской классике, чем советские. А к концу XX в. французы не только переиздают ее, но и переосмысливают. К 200-летию Пушкина была издана книга “Универсальность Пушкина” – на основе материалов коллоквиума 1999 г., который проходил под почетным патронажем Президента Французской республики Жака Ширака. Универсальность Пушкина предстает в широте его взгляда на историческое развитие, в его антиутопии (статья Мишеля Нике “Антиутопизм Пушкина”), идентичном “антиреволюционности”, в его суждениях о стабильности, вреде резких преобразований. Под новым углом зрения анализирует Пушкина Мишель Окутюрье в предисловии к “Капитанской дочке”. Он же предлагает новое прочтение “Тараса Бульбы” (в предисловии к изданию 1999 г.), равно как и “Хаджи Мурата” Толстого – в обстоятельном предисловии к изданию 2004 г., основанном на сопоставлении черновых вариантов и различных редакций текста. Предпринимаются попытки нового осмысления

Достоевского, отчасти связанного со стремлением найти в нем предпочтения, не чуждые самим французам (предисловия и обстоятельный научный аппарат к изданиям Достоевского, в частности, к трехтомному изданию его писем, изданным французским славистом Жаком Катто). Проблема “Достоевский и Запад” обсуждается в коллективном труде “Диагонали Достоевского” (2002).

Говорится в статье и о восприятии французской интеллигенцией двадцатилетия 1985–2005 гг., если не обстоятельно, то на ярких примерах.

В отличие от Франции, для восприятия России в Англии характерно тяготение к традиционалистским стереотипам. Привычной консервативностью там и сегодня во многом пронизано отношение к русской классике. Образ России в английской культуре рассматривается в статье Т.Н. Красавченко, названной крылатой строкой Киплинга, поставленной под вопрос: «“Запад есть Запад, Восток есть Восток”?»». Англия и Россия – две географически далекие друг от друга страны и символически между собой связанные: обе на окраинах Европы, две самые сильные империи, которые развалились в XX веке. В английской культуре были как хулители России, так и ее заступники. Среди первых английских русофилов автор статьи выделяет Мориса Беринга и Стивена Грэма, которые, мифологизируя Россию, еще в начале девятисотых годов XX века возлагали надежду на ее “духовную помощь” для излечения Британии от материализма. Сопоставлению разных национальных характеров посвящено эссе Дж. Голсуорси “Русский и англичанин” (1916).

Различия в понимании событий октября 1917 года представлены позициями Герберта Уэллса (“Россия во мгле”, 1920), Бертрона Рассела, также приезжавшего в Россию и встречавшегося с Лениным, Горьким, Троцким, Каменевым. Свои взгляды он изложил в книге “Практика и теория большевизма” (1920). Автору близки идеалы социальной справедливости, но тоталитарные методы для него неприемлемы.

Среди исследований России советского периода отмечены работы литературоведа и философа Роналда Хингли, особенно его книга “Русский тип сознания” (1977), которая считается классикой английской русистики. В ней обсуждается вопрос: авторитарная ли власть порождает русский тип сознания или наоборот? “Чеховскую традицию” он определяет как “великую традицию” русской литературы.

Профессор Лондонского университета Орландо Фиджес в книге “Танец Наташи: история русской

культуры” (2003), обратившись к известному эпизоду “Войны и мира”, обсуждает проблему формирования русской идентичности – соединения европейской культуры и народной.

Вообще, современное представление англичан о России во многом основывается на их восприятии русской литературы XIX–начала XX вв., величие которой остается неизменным. Как особое событие был отмечен выход завершённого в 2003 г. первого полного 15-томного собрания сочинений Пушкина. Традиционные рамки изучения русской литературы расширяются: всё большее внимание привлекает творчество В.В. Розанова, А. Платонова и других авторов первых десятилетий XX века.

“Перестройка” середины 80-х гг. XX в. была встречена в Великобритании по-разному. Историк и политолог, профессор Оксфордского университета Роберт Сервис (автор трехтомной политической биографии В.И. Ленина, 1986–1995; “Истории России XX века”, 1997; “Истории современной России, от Николая II до Путина”, 2003; “Мировой истории коммунизма”, 2007) делает мрачный прогноз. Он полагает, что потребуются много времени для рождения новой политической культуры и демократии. Напротив, профессор Лондонского университета русист Джеффри Хоскинг (автор книг: “Пробуждение Советского Союза”, 1990; “Россия и русские”, 2001, р.п. 2003; “Правители и жертвы. Русские и Советский Союз”, 2006) считает, что советское общество было готово к реформам задолго до прихода Горбачева.

В статье А.Б. Базилевского «“Трудное соседство”: образ России и русских в сознании поляков на рубеже XX–XXI веков» многовековая связь Польши и России на уровне геополитическом и идеологическом в силу известных исторических причин предстает во многом как конфликт польских негативных стереотипов России и русских и, с другой стороны, защитных русских автостереотипов и негативистских стереотипов поляков. На уровне культурных отношений совершенно иная картина: долгое плодотворное сотрудничество. Следует отметить, что в последнее время взаимные имажологические образы стали приобретать много более уравновешенный характер, с обеих сторон заметно стремление многое переосмыслить. Не случайно в 2006 г. в Польше вышел академический труд “Каталог взаимных предубеждений поляков и русских”. Как и во многих других странах “Россия на переломе” познается поляками в первую очередь благодаря журналистике и книгам путешествий. В статье

Базилевского достаточно подробно представлены наиболее значительные образцы современных произведений – от авторов, относящихся к России с пренебрежением, до авторов, ее любивших.

Замечательный и уникальный образец – книги из северного цикла (1998–2007) Мариуша Вилька, который пишет статьи для польской периодики, а затем составляет из них сборники. Он приехал в Россию в 1991 году, десять лет прожил на Соловецких островах, затем в Карелии, до того проехал Дальний Восток, Алтай, Чечню, Абхазию, но, поездив по России, прижился на русском севере, где преодолел барьер “чужести”, с симпатией наблюдая за обыденной жизнью северян. С печалью говорит он о гибели деревни, диком капитализме и размышляет о своих соотечественниках, которые “на Россию смотрят то издалека, то свысока...”, как в книгах репортажей и эссе известных журналистов Рышарда Капустинского (“Империя”, 1993) и Кароля Врубеля (“Планета Россия”, 2005).

Иную картину рисует статья М.Л. Карасевой “Образ России в сербском художественном и общественном сознании”. Основу отношения к России и русским долгое время составлял прочно укоренившийся в сознании и культуре двух народов идеал “славянского братства” и взаимопомощи. Расшатали этот уходящий своими корнями в православную древность миф идеологические конфликты сталинско-титовского периода, а затем развал как Советского Союза, так и Федеративной Югославии и доминирование новых, прагматико-экономических ценностей. И тем не менее, многовековая симпатия двух народов не умирает, а литература, культура, как всегда, имеют первостепенное значение.

Раздел “Америка” открывается статьей о литературе США “Образ России в американской культуре” (О.Ю. Панова), где прослеживается его формирование начиная с XVIII века, когда появились первые записки путешественников: Джона Ледьярда и юного Джона Квинси Адамса, сына второго президента США. А далее по хронологии: XIX век, 1917 год, Вторая мировая война и постсоветская Россия. В США не было такого большого интереса к русской литературе, как в европейских странах. В статье говорится о Т. Драйзере, Дж. Дос Пассосе, которые после посещения СССР в 20-х годах XX в. нарисовали сложную картину тоталитарного государства со слезкой и репрессиями; о Дж. Стейнбеке, посетившем Россию сразу после Второй мировой войны. Результатом этой поездки стал его “Русский дневник”, где говорится о тяготах советского быта

и юмористически обыгрываются слухи об ужасах в СССР. Автор пишет также о писателях с русскими корнями – таких, как Сол Беллоу и Джек Керуак, в чьих романах присутствует русская тема. Американская имагология рубежа XX–XXI вв. представлена сочинениями видных американских геополитиков, философов культуры, журналистикой и массовой литературой (детективы, в первую очередь), где можно найти немало типичных негативистских или критических стереотипов о русских и России.

Невелика по объему, но содержательна статья О.Е. Фалковски “Векторы восприятия России в Канаде”. Многозначное культурно-политическое понятие “Север” стало той точкой, в которой пересеклись современные интересы и связи России и Канады. Здесь открывается большое поле для обсуждения спорных вопросов о делимитации “границ Севера” и для плодотворного сотрудничества.

Канада сыграла особую роль в истории русской эмиграции в Новый Свет. Лев Толстой принимал участие в помощи переселенцам – так называемым “духоборам”, общины которых до сих пор существуют в этой стране.

В статье рассматриваются также книги, затрагивающие русскую тематику, или произведения писателей с русскими корнями.

Статья А.Ф. Кофмана озаглавлена “Образ России в испаноамериканской литературе”. Этот образ, каким он складывался в испаноамериканской культуре в течение двух столетий, предстает в трех ипостасях. Образ дореволюционной России, воплощенный в произведениях Х. Марти, Р. Дарио, Э. Гомеса Каррильо и др., сформировался под влиянием русской литературы и культурфилософии и вообрал в себя мифы и стереотипы, возникшие в русской культуре. Речь идет, в частности, о таких мифах, как безмерность и хаотичность пространства, загадочность, неупорядоченность, иррационализм, теллуричность, первозданность, первородная мощь, мессианство и др.

Эти стереотипы дают о себе знать и в восприятии Советской России, но на передний план здесь выходит всё же ярко выраженная идеологическая

составляющая. Поэтому образ Советской России оказывается ярко полемичен, выстраивается в остром противостоянии идеологий и потому сочетает в себе два резко поляризованных образа – почти без промежуточных оттенков: апологетический (В.Р. Айа де ла Торре, С. Вальехо, П. Неруда, Н. Гильен) и отрицательный (Г. Гарсиа Маркес, О. Пас, К. Фуэнтес).

В постсоветскую эпоху, как показывает автор, в Латинской Америке происходит общее и резкое падение интереса к России. Образ России в культуре континента уходит из художественной литературы и эссеистики в прессу и в научно-политическую литературу, то есть фактически из сферы имагологии перемещается в сферу политического имиджа. При этом он становится плоским и однородным, и оценивается исходя из чисто прагматических критериев.

Завершающий раздел коллективного труда представлен статьей М.И. Свердлова “Искажение искажений: проекции иностранного восприятия России в современной отечественной литературе”. В ней анализируется кризис идентичности в современной отечественной литературе, увиденный в зеркальном отражении сатирических стереотипов России давних времен, наиболее четко оформившихся в знаменитой книге маркиза де Юстина “Россия в 1839 году”.

Автор отмечает характерное для литературы рубежа XX–XXI вв. ерническое или издевательское отстранение от России в духе А. де Кюстина у некоторых русских писателей, иллюстрируя его примерами из книг Э. Лимонова (“Книга воды”), В.В. Ерофеева (“Энциклопедия русской души”, “Пять рек жизни”), В. Пелевина (“Чапаев и Пустота”, «Generation “П”»), главная цель которых – оттенить положительный образ собственного “я”.

В целом коллективный труд, написанный на столь важную, сложную и деликатную тему, несомненно удался. Его публикация обновит российскую “имагологическую” библиотеку и привлечет внимание достаточно широкого круга читателей.

Ю.Н. Гирин, А.П. Саруханиян